

В. И. Еремина

ЗАГОВОРНЫЕ КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Иные предсказания даются не затем, чтобы они исполнялись, а для того, чтобы они — наподобие заклинаний — не исполнялись. Пророки такого рода глумятся над будущим, предрекая его, с тем чтобы оно постыдилось оправдать их прозорливость.

Т. Манн. Волшебная гора

Фольклорной загадкой являются колыбельные песни с накликанием смерти ребенку. Существуют разные толкования, объясняющие происхождение этого, столь отличного от всех остальных, мотива колыбельных песен.¹

Связь колыбельных песен с заговорной поэзией была отмечена В. П. Аникиным и в основном поддержана в работах Э. В. Померанцевой и Э. С. Литвин.² Эта связь оказалась настолько устойчивой, что колыбельные песни более позднего времени продолжают сохранять в своей поэтической системе элементы заговора. В песнях с накликанием смерти «мать не только не желает ребенку смерти, а напротив, по ее представлению, борется за его жизнь и здоровье... В полном соответствии с этим толкованием колыбельных песен находится славянский обряд имитированных похорон. Обряд, равно как и песня над колыбелью, был рассчитан на обман злых существ, причиняющих ребенку боль».³ Из данного высказывания вовсе не следует прямой выход колыбельной песни данной тематической группы из обряда. Речь идет лишь о соответствии, характер этого соответствия не прояснен, но тем не менее мы не вправе приписывать автору прямолинейных и однозначных толкований, как это сделано в статье А. Н. Мартыновой.⁴

Обряд имитирования похорон — явление, далеко выходящее за пределы славянского мира. Кроме того, как мы попытаемся показать, это лишь одно из слагаемых в общей системе оберегов ребенка.

Попытка вывести данные колыбельные песни непосредственно из обряда имитации похорон, основываясь только на общности цели (обман смерти), была бы несомненной ошибкой. Существует громадное количество обрядов, преследующих одну и ту же цель — контакт со смертью.

Поскольку речь идет о колыбельных песнях, остановимся только на оберегах ребенка. Контакт со смертью осуществлялся в разных формах: это могло быть охраняющее действие, слово или песня. Охрана лиминального существа, по всей вероятности, явление вторичное. Она возникла как следствие более раннего оберега от злого влияния, которое способно оказать существу, находящемуся в стадии «перехода». В родильной обрядности такое изменение первоначального значения оберега было связано с потребностью сохранения жизни. Страх перед вредоносной силой новорожденного вызвал к

жизни самые различные формы противодействия этой силе. Активным оберегающим средством оказались определенные имитации и инсценировки, ритуальные игры и танцы, смена и заговорная песня. Все эти обереги имели четко выраженный сакральный смысл.

Священный характер носила пляска смерти и ритуальные танцы вокруг нее. Танцуя у колыбели умирающего ребенка, мать вступает в контакт со смертью, отгоняет и убивает ее. Тот же охранительный смысл был заключен и в обрядовых танцах вокруг родившей женщины. Не менее действенным оберегающим средством был и обряд имитации похорон ребенка. У белорусов в момент приступа родимца «все принимает в доме торжественную тишину <...> Мать покрывает дитя белым покровом и, держа над ним зажженную „громничную“ свечу, курит ладаном, если такой найдется, или смелою. Короче: устраивается обстановка, по которой сторонний посетитель готов признать, будто в доме кто-нибудь только что скончался. Это же подумает и та смерть, которая послана за дитятей — и не коснется его» (запись 1882 г.).⁵

У целого ряда народов, если ребенок был слаб, если его жизни угрожала опасность, исполнялся ритуал его «перераживания» (термин Д. И. Успенского). Обряд этот был известен и в России: «Мать становится на место происходивших родов, берет ребенка и с помощью повивальной бабки до трех раз протаскивает его через ворот своей сорочки сверху вниз».⁶ У восточнославянских народов бытowała и еще одна форма этого ритуала. Вместо «мнимых» похорон новорожденного, в том случае, если ему угрожала опасность, его «продавали». В Малороссии, например, больного ребенка «продают» «за несколько копеек какому-нибудь прохожему, нищему, страннику или кому-нибудь из родственников, разумеется, без отдачи ребенка». Эта обрядовая продажа имеет место, если дети ранее умирали.⁷ Обычай «закупать» ребенка оказался на Украине необычайно устойчивым. Встречается он здесь и в более обобщенном виде: перед крещением ребенка (отметим, что совсем не обязательно больного!) клади на расстеленный на полу кожух (символ довольства и благополучия), кумовья бросали на кожух мелкие деньги. «По некоторым народным объяснениям, бросание денег означало выкупление кумовьями ребенка (Новгород-Волынский, Киевский уезды) или как бы его продажу (Уманский уезд), что <...> имело целью обмануть злые силы».⁸

«Выкупая» своего ребенка, родители как бы убеждают враждебно настроенных духов, что это чужое дитя, «купленное», а значит, вредить ему и убивать его нет никакого смысла. Показательна и традиционная форма возврата ребенка через окно, трубу и т. д., чтобы смерть не нашла к нему дорогу. В украинских селах «если в семье предыдущие дети умерли, то звали новую пару кумовьев; по возвращении из церкви они должны были передать ребенка родителям через окно, для того, чтобы ребенок жил».⁹ У русских в аналогичной ситуации вынимали оконную раму и через окно «продавали» ребенка кумам. На том свете такой ребенок «уже будет считаться не родителей, а купивших».¹⁰ Возвращение ребенка обходным путем было продиктовано страхом, желанием обмануть смерть, не указать ей дороги в дом.¹¹

Все приведенные выше примеры широко известной имитативной магии свидетельствуют о том, что действие с сакральным смыслом (пляска, инсценировка, имитация) служило, по народным верованиям, защитой, способом обмануть смерть. Столь же действенным оберегом могло стать и слово (имя), заклинание, песня.

У разных народов мира был распространен обычай скрывать имя, данное при рождении.¹² К нему особенно часто прибегали в тех семьях, где часто умирали дети — тогда «официальное имя скрывалось, утаивалось, а объявлялось совсем другое имя. Официальное имя мужчины подчас обнаруживалось лишь при призывае на службу в армию... Если ребенок рождался хилым, имя выкрикивали в печную трубу: кричали разные имена, а называли тем, при котором ребенок переставал плакать».¹³ По народным верованиям, удачное имя способно предохранить от болезни, поэтому, когда ребенок часто болел, считалось, что это происходит от плохого имени, а значит, необходимо переменить его.¹⁴ Особую форму обычая перемены имени записал Н. Г. Первухин. Обычай назывался «выбрасывание имени на сор». Суть его заключалась в том, что «родители ребенка выметали из избы сор и вместе с сором выносили на двор ребенка и оставляли его там. Заранее предупрежденные кум и кума приносили его обратно, но уже с новым именем».¹⁵ Ребенок «выбрасывался» вместе с сором, а на замену ему приносили новое здоровое дитя.

У русских считалось, что «имя, неприятное само по себе, имеет великое преимущество: оно может отогнать или обмануть злую силу духов, враждебно настроенных против ребенка. Поэтому дача имени некрасивого, унижающего и т. п. происходит обыкновенно в семьях, где часто умирают дети».¹⁶

В том же ряду сакральных охранительных явлений, как нам представляется, должны рассматриваться и заклинательные песни, и в частности с накликанием смерти ребенку. Параллельно с колыбельными песнями (заклинаниями-молитвами) существовали и песни-заклинания — с накликанием смерти, ничем, впрочем, от первых существенно не отличающиеся, так как они имели ту же самую охранительную цель. Песня-заговор должна была способствовать сохранению здоровья ребенку любым путем — либо прямым заклинанием от бед, напастей и скорбей, либо отведением несчастья путем ложного «обманного» призыва смерти.

Баюшки-баю!
Сохрани тебя
И помилуй тебя
Ангел твой, —
Сохранитель твой,
От всякого глазу,
От всякого благу,
От всех скорбей,
От всех напастей.
От лому-ломища,
От крови-кровища,
От зло-человека, —
Супостателя.¹⁷

Баю, баю, да люли!
Хоть теперь умри,
Завтра у матери
Кисель да блины, —
То поминки твои,
Сделаем гробок
Из семидесяти досок,
Выкопаем могилку
На плешивой горе,
На господской стороне.
В лес по ягоды пойдем,
К тебе, дитятко, зайдем.¹⁸

Колыбельные песни, подобные последней, может быть, и казались бы определенной аномалией, если бы они выходили за рамки других

«пугающих» колыбельных песен, где заговорное начало столь же очевидно и песня имеет ту же самую «обманывающую» всякую злую силу цель.

Придет серенький волчок,
Схватит Катю за бочок,
Утащит ее в лесок,
Закопает во песок.
Станут Катеньку искать
По болотам, по мохам,
Все по ракитовым кустам.¹⁹

Чоконьки-бляконьки
По полю ходили,
Огород городили.
Злой медведь,
Не бери больших,
Бери маленьких,
Косолапеньких.²⁰

Таким образом, пляска вокруг умирающего ребенка, его мнимые похороны, его «перераживания», «продажа», «выметание на сор», замена имени и, наконец, песня, накликающая смерть, — это все однотипные приемы обмана смерти. Смерть зовут, чтобы она не пришла, как изображают веселье вместо горя, как пытаются запутать смерть, внося ребенка через окно или подкладывая вместо него щенка или камень, который по неразумию и должна забрать смерть, сохранив невредимым ребенка.

При сопоставлении поэтических и этнографических материалов выясняется, что данная тематическая группа колыбельных песен не только не представляет собой какого-либо исключения, но, напротив, является совершенно закономерным звеном в общей системе (действенной и словесной) контакта человека со смертью. Попытка усмотреть генетическую зависимость этих песен от обряда (типа имитации похорон) была бы несостоятельна уже потому, что оберег-действие, оберег-песня (заклинание) — это явления одного порядка, преследующие одну и ту же цель. Они способны выступать как вполне эквивалентные замены, но не как вытекающие одно из другого взаимозависимые и причинно обусловленные явления.

¹ Совершенно неприемлемыми, с нашей точки зрения, оказываются следующие толкования происхождения данных песен: 1) сугубо социальное — избавление от «лишнего рта» (Гиппус Е. В. Крестьянская лирика. Л., 1935. С.57; Шаповалова Г. Г. Изучение детского фольклора О. И. Капицей // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968. Вып.4. С.157); понимание основ этих песен как шуточного попрания «нравственных устоев — любви к своим детям» (Мельников М. Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С.40—41); 2) объясняемое отсутствием в Древней Руси «обычая убивать детей», и как следствие — пожелание смерти «слабым, увечным, безнадежно больным», которое имело якобы магическую силу и было продиктовано «гуманными чувствами, желанием избавить ребенка от мук, болезни и голода» (Мартынова А. Н. Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т.15.

С.152). Отсутствие обычая убивать детей, по мнению А. Н. Мартыновой, это лишь одна из причин происхождения колыбельных песен с данной тематикой, другая кроется в веровании «в подмену детей нечистой силой» (Там же. С. 154). Причины бытования колыбельных песен с пожеланием смерти ребенку связываются А. Н. Мартыновой с нежелательностью «многочадья в бедной крестьянской среде» (Там же. С.153) или с нежеланием «иметь ребенка, рожденного вне брака» (Там же. С.155), т. е. с сугубо социальными моментами. Не разделяя основных выводов автора, мы отсылаем читателя к последней статье, поскольку в ней содержится наиболее полный перечень архивных источников колыбельных песен данной тематики.

Все указанные выше толкования не объясняют, на наш взгляд, происхождения этих песен, а представляют собой в лучшем случае перекодировка в процессе позднейших смысловых трансформаций.

² Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский

фольклор. М., 1957. С. 89; Померанцева Э. В. Детский фольклор // Русское народное творчество. М., 1966. С. 297; Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора // СЭ. 1972. № 1. С. 59. Примеры, подтверждающие эту жанровую взаимозависимость, см.: Мартынова А. Н. Отражение действительности... С. 150—152.

³ Аникин В. П. Русские народные пословицы... С. 89.

⁴ Мартынова А. Н. Отражение действительности... С. 150.

⁵ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, собранные в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897. С. 43. Шмитт описывает другой способ лечения ребенка: «Женщина выкапывала в земле яму с двумя выходами и через обра- зовавшуюся дыру протаскивала младенца» (Schmitt J.-C. Le saint l'evrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. Paris, 1979. S. 104—109).

⁶ Успенский Д. И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным: (По материалам, собранным в Тульском, Веневском и Каширском уездах Тульской губернии) // ЭО. 1895. № 4, кн. 27. С. 88. См. также: Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья. С. 35.

У среднеазиатских народов изображение нового рождения сопровождалось мнимым погребением младенца (Таджики Карагина и Дарваза. Душанбе, 1976. С. 74. (Материалы экспедиции 1952—1957 гг.)). В кишлаках долины Хангуо существовал обычай (не зафиксированный между тем в Карагине и Дарвазе), по которому рядом с матерью вместо больного ребенка клади камень. Затем этот камень «обмывали подобно покойнику и, завернув в саван, хоронили в какой-нибудь старой обвалившейся могиле» (Там же. С. 76). Якуты в лильку больного ребенка «кладут щенка или другое мелкое животное, которое, как полагают, будет принять дьяволом за ребенка и съедено» (Горохов Н. Следы шаманизма у якутов // Изв. Вост.-Сиб. отд-ния имп. РГО. 1897. Т. 13, № 3. С. 38).

⁷ Сумцов Н. Ф. Культурные переживания // Киев. старина. 1889. № 10. Т. 27. С. 34. Тождественные обычаи существуют у вояков и кавказских горских евреев (Миллер В. Ф. Сборник материалов по этнографии. Т. 3. С. 51, 211); см. также: Малинка А. Родины и крестины. (Материал собран в м. Мрине Нежинского уезда) // Киев. старина. 1898. Т. 61. С. 285.

⁸ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 135. «Продажа»,

«воровство» с последующим «выкупом» ребенка широко встречается и у среднеазиатских народов (см.: Таджики Карагина и Дарваза. С. 76).

⁹ Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры. С. 120. То же у бессарабов и удмуртов (Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с рождением ребенка // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 58). В Средней Азии ребенка возвращали матери «сквозь отверстие в центре крыши для прохода дыма и света» (Андреев М. С. Таджики долины Хуф. (Верховья Амударьи). Сталинабад, 1953. С. 56. (Тр. АН ТаджССР. Ин-т ист., археологии и этнографии; Т. 7, вып. 1)). Якуты «украденного ребенка» всаживают в шкуру лисицы или зайца и вытаскивают с помощью волосяной веревки через трубу (Горохов Н. Следы шаманизма у якутов. С. 38).

¹⁰ Казимир Е. П. Из свадебных и родильных обычаяв Хотинского уезда Бессарабской губернии // ЭО. 1907. № 1—2. С. 209. (Кн. XXII—XXIII).

¹¹ Гроб также выносили не в дверь, а в окно или через крышу (Шестаков В. Глазовский уезд // Вестн. РГО. 1859. Кн. 26. С. 104). Марийцы выносили покойного через пролом в северной стене (Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX — начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. С. 166).

¹² Сумцов Н. Ф. Культурные переживания // Киев. старина. 1889. № 10. С. 34.

¹³ Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с рождением ребенка. С. 56.

¹⁴ Христолюбова Л. С. Из истории изучения семейных обрядов удмуртов // Записки: (История; Экономика). Ижевск, 1970. Вып. 2. С. 186.

¹⁵ Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1880. Эскиз V. У великорусов охраняющим родильницу и ребенка предметом считался голик (выметающий смерть из избы) — Редько А. Нечистая сила в судьбах женщин-матери // ЭО. 1899. № 1—2. С. 82. (Кн. X—XI).

¹⁶ Харузина В. Программа для сорибания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев. С. 137.

У грузин было принято давать ребенку несколько имен: «Именем святыни» мать называла ребенка в первые же дни после рождения, так как это имя считалось надежной защитой от злых духов...; «имя души» ребенку давали в том случае, если он был нездров. Беспокойство младенца объяснялось и представлением, что кто-то из

покойников «требует назвать его своим именем. Если имя покойного „угадывалось“, то он становился покровителем ребенка и „брался“ оберегать своего избранника» (Соловьев Л. Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсуретии в конце XIX—начале XX в. // СЭ. 1982. № 4. С. 107).

¹⁷ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Спб., 1898. Т. 1, вып. 1, № 2. Как параллель — персидская колыбельная с рефреном-заклинанием «ты не умрешь»:

Ну же, душа моя, да будет душа твоя без горя!
Хранителем дня и ночи твоей да будет бог!
О, дорогой мой, ты не умрешь, ты не умрешь,
Ты не умрешь и увидишь новую весну.
Весна и тюльпанник! Ты не умрешь.
Род наш в ходу, ты не умрешь! <...>
О, господи, сделай, чтобы сынок мой не умер <...> —

Жуковский В. Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии // ЖМНП. 1889. Янв. Ч.ССХI, № 16.

¹⁸ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях... № 32.

¹⁹ Добряков Г. Колыбельные песни // Вестник воспитания. 1914. № 8. С. 145—156; Капица О. И. Детский фольклор. Л., 1928. С. 48.

²⁰ Капица О. И. Детский фольклор. С. 62. Параллельно моравско-силезская колыбельная:

Баю, дитятко,
Качаю тебя,
Чтоб ты спало,
Не плакало,
И матушке
Покой дало.
Бросим тебя в пруд,
В Дунай реку,
Хватай его водяной.

Капица О. И. Детский фольклор. С. 48—49.

Персидские колыбельные песни:

Собачка пришла, чтобы съесть тебя.
Бирюк пришел, чтобы взять тебя.

Жуковский В. Колыбельные песни... № 22;
Цветок базилика, цветок тюльпана,
Кровь твою я пролью в колодец.

Там же. № 30.